

Глава I

МОИ СЛУШАТЕЛИ

Зовут меня Филиппом Форстером. Я глубокий старик. Живу я в глухом поселке, затерянном на берегу обширной и мелководной бухты.

Хотя селение наше и имеет претензию на громкое звание морского порта, я имел все основания назвать его глухим поселком. Есть у нас, правда, гранитный мол, на рейде обычно стоят два-три парусника, торговая шхуна, изредка заходит военный бриг; но рыбацких лодок множество; они маячат в море и лежат рядами на песке. Нетрудно догадаться, что жители поселка промышляют главным образом рыбной ловлей.

Здесь я родился и здесь хотел бы умереть. Однако соседи располагают обо мне весьма скудными сведениями. Величают меня капитаном Форстером, или же, попросту, капитаном, так как я единственный заслуженный моряк в околотке.

Но, в сущности, я вовсе не капитан: я никогда не служил в военном флоте, а плавал лишь на своей торговой шхуне. В лучшем случае меня следовало бы звать «хозяином», но от избытка почтительности сограждане произвели меня все же в капитаны.

Знают, что я живу в хорошеньком домике в пятистах шагах от поселка, у самого моря, что я одинок и что старая служанка ведает моим хозяйством. Каждый день я прохожу по улицам местечка с подзорной трубой под мышкой, выхожу на мол, внимательно

оглядываю море и возвращаюсь к себе домой после двухчасовой прогулки.

Вот приблизительно все, известное добрым соседям о моем образе жизни, о привычках моих и о прошлом моей скромной особы.

Уважение ко мне питается слухами о моих замечательных плаваниях. У меня недурная библиотека; я посвящаю много времени чтению и на этом основании прослыл человеком великой учености.

Не спору, я много путешествовал, и в некоторой начитанности мне отказать нельзя, но обыватели наши все же сильно переоценивают глубину моих познаний. Образование я получил поверхностное, случайное и весь свой скромный умственный багаж составил урывками, на досуге, на протяжении бурной, напряженной жизни.

Вас, быть может, удивляет, что я такая таинственная фигура в своем родном местечке, но объясняется это очень просто: дело в том, что я покинул его двенадцатилетним мальчишкой, и прошло ровным счетом сорок лет, прежде чем мне заблагорассудилось в него вернуться.

Исчез я бойким мальчишкой, а вернулся седым стариком, и, разумеется, во всей округе не нашлось уже никого, кто мог бы меня припомнить; в лучшем случае сохранилась смутная память о моих родителях. Отец мой тоже был моряком, дома он не сидел, всегда пропадал в море. Я его почти не помню. Самое яркое связанное с ним воспоминание — это минута, когда нам сообщили, что судно его потерпело крушение. Мать пережила его ненадолго. Чуть не полвека отделяют смерть родителей от моего возвращения на родину; немудрено, что память о них совсем ослабла. Вот каким образом я стал таинственным чужестранцем у себя на родине.

Однако не думайте, что я избегаю людей и стремлюсь к мрачному уединению. Я бросил море только потому, что решил прожить остаток дней в уюте и спокойствии. Характеру моему совершенно чужда мрачная замкнутость и суровость. Я всегда любил молодежь, и с годами общество детей становится для меня все более и более незаменимым, особенно буйная и предприимчивая мальчишеская компания. С мальчишками я играю, как сверстник, мастерю для них змеев, выдалбливаю кораблики из коры. Большая радость переживать с ними вторично свое детство.

Ребята, конечно, не догадываются, что жизнерадостный старик, навязавшийся им в товарищи, испытал на своем веку немало грозных приключений и вышел, к удивлению своему, невредимым из головокруглительных опасностей.

Отдельные эпизоды моих приключений известны кое-кому в поселке. Рассказчик я словоохотливый; за слушателями не гоняюсь, но и не бегаю от них. Но всего приятнее мне то, что я нашел в нашей приморской глуши весьма своеобразную и благодарную аудиторию. По соседству с нашим поселком расположена школа с громкой и несколько смешной вывеской: «Учебное заведение для воспитания и совершенствования юных джентльменов». Вот эта-то школа и поставляет мне моих лучших слушателей.

Ребята пригляделись ко мне на берегу, где они резвятся долгими часами, а по коричневому загару моему и всей повадке угадали во мне моряка. Чутье безошибочно подсказало им, что прошлое у меня не совсем обычное; они почувствовали запах приключений и потянулись ко мне в надежде услышать кое-что интересное. Мы познакомились, подружились, и, по просьбе ребят, я принялся им рассказывать в разбивку различные случаи моей биографии.

Стоит мне присесть на берегу, и тотчас меня окружает целая орава любознательных мальчишек с разинутым ртом и горящими глазами; откупиться от них можно только интересной историей.

Не боясь показаться смешным, признаюсь, что сам я нахожу в своих рассказах немалое удовольствие: моряки, как все бывалые люди, — хорошие рассказчики: нет-нет да и заслушиваются самих себя.

Однажды, выйдя на берег рано утром, я столкнулся со всей оравой моих ребят. Вид у них был слегка озабоченный, торжественный и взволнованный. В руке у старшего я заметил сложенный вчетверо листок бумаги.

При напряженном молчании мальчишек бумага была мне торжественно вручена; в ней заключалась просьба, обращенная лично ко мне и подписанная всеми присутствующими:

Дорогой капитан!

Сегодня у нас свободный день. Мы думали, как лучше его провести, и решили обратиться к вам и попросить вас рассказать интересную историю. Кое-что мы от вас уже слышали, но тогда мы не были все в сборе, как сегодня, а когда пересказываешь товарищам своими словами, то многое бледнеет и теряется. Порадуйте нас сегодня! Выдумок нам не нужно; к тому же ваши настоящие приключения интереснее всяких выдумок. Расскажите нам что-нибудь такое, что могло бы случиться с любым из нас. Мы не хотим подсказывать вам: случай из своей жизни выберите сами. Но если вас не затруднит, пусть это будет одно из самых ранних ваших приключений — из той отдаленной поры, когда сами вы были мальчиком. Обещаем слушать внимательно, не перебивать и крепко запомнить.

Трудно было отказать в такой вежливой просьбе. С величайшей готовностью я пошел навстречу ребятам и, немного порывшись в памяти, остановился на большом приключении, которое выпало мне на долю, когда я был таким же сорванцом, как они. Для того чтобы подготовить их к этому необычайному и сложному рассказу, я решил предпослать ему два скромных случая из своего детства, по которым они легко смогли бы заключить, как постепенно возрастала моя страсть к независимости, предприимчивости и любовь к морю.

Я решил познакомить их с историей моего первого плавания, которое произошло в самой дикой и невероятной обстановке. Достаточно сказать, что я называю его «Путешествие во мраке».

Итак, мы уселись на розоватый прибрежный песок; вокруг меня — настороженные детские лица. Я бросил взгляд на необъятную пелену моря, усеянную барашками волн, вдохнул любимый соленый воздух и приступил к рассказу.

Глава II

СПАСЕННЫЙ ЛЕБЕДЕМ

С самого раннего детства я питал неодолимое влечение к воде. Если бы я родился моржом, дельфином или уткой, вряд ли эта стихия была бы мне более близкой. Отец мой был моряком, моряками были дед и прадед, и возможно, что это пристрастие я унаследовал от них. Так или иначе, вода всегда была для меня родной стихией, и самым крошечным ребенком я уже плескался в воде. Как меня ни отгоняли от всяких луж и прудов, как ни шлепали, ни уговаривали, я все-таки к ним возвращался. Зато могу сказать с гордостью, что самое первое мое приключение разыгралось на воде. Я хорошо его помню и расскажу вам в виде вступления, чтобы вы сразу прониклись моими вкусами.

Был я тогда совсем малышом, в том возрасте, когда бегают вперевалку, еще цепляясь за подол матери, и спускают на воду бумажные кораблики. Кораблики мои я мастерил себе собственноручно, выдергивая танком страницы из старых книг или похищая старые газеты, и спускал мою флотилию на зеленый заплесневевший пруд, который в воображении моем разрастался до размеров океана. Вскоре, однако, мне прискучил мой бумажный флот как не-всамделишный. Скопив небольшую сумму, я приобрел в игрушечной лавке прекрасную точеную, со всеми деталями сработанную модель парусника; старый рыбак, художник своего дела, смастерил ее на досуге.

В килевую длину мое судно имело пятнадцать сантиметров, а в ширину — целых восемь. Тоннаж его равнялся двумстам пятидесяти граммам.

«Угловое суденышко», — скажете вы, но мне оно представлялось грандиозным, словно какой-нибудь трехпалубный фрегат.

Лужа на заднем дворе была уже недостойным бассейном для моего драгоценного парусника, и я принялся искать других, более обширных вод, в которых мой кораблик мог бы доказать свою быстроту и прочие морские качества.

Вскоре я набрел на средней величины пруд. Для меня это был не пруд, а по крайней мере океан: кристально прозрачная вода, чуть подернутая рябью мелких волн; легкий ветерок, ничуть не хуже морского бриза. Я спускал мой трехмачтовый кораблик, паруса его тотчас туго надувались, он стрелой пересекал прохладный пруд, и я едва успевал его встретить на том берегу, радостный и запыхавшийся.

Сколько раз мы с ним состязались в скорости с переменным исходом, в зависимости от того, был ли ветер попутным и свежим.

Нужно вам сказать, что этот пруд находился в усадьбе знатного лорда, в парке с подстриженными деревьями и замысловатыми аллеями, обнесенном колючей оградой. Хозяин парка жил где-то в столице, но вход в его владения был строго запрещен и охранялся свирепым садовником. Однажды, набравшись храбрости, я подступил к этому суровому человеку и изложил ему свою дерзкую просьбу: мне нужен бассейн; я обещаю не мять зеленого клевера, не рвать цветов, я совершенно равнодушен к затейливым беседкам и ко всему великолепию усадьбы лорда; садовник может не опасаться — с моей стороны никаких разрушений, но я прошу его об одном: допустить меня к бассейну.

В детском голосе моем, очевидно, звучала такая убедительность и страстность, что садовник, немного поломавшись, разрешил мне с моим кораблем вход в заветный парк. Сломя голову побежал я домой и через несколько минут начал первые опыты.

Помнится мне, в этом пруду плавала дюжина лебедей и еще какие-то диковинные птицы. Дети садовника кормили их хлебными крошками и научили тому же меня. Отправляясь в парк, я набивал карманы мякишем.

Неудивительно, что птицы, особенно лебеди, быстро приручились; они подплывали к самому берегу и бестрепетно хватали корм из рук.

Мы с детьми садовника придумали довольно забавный способ кормежки. Нужно сказать, что берег пруда с одной стороны возвышался метра на полтора; вода здесь была поглубже, а так как берег обрывался почти отвесно, мы, дети, считали его неприступным. Сюда-то мы заманивали лебедей, которые, впрочем, охотно подплывали сами при нашем появлении; мы натывали кусочки мякиша на кончик длинного расщепленного ивового прута и, размахивая этим волшебным жезлом как можно выше над головами лебедей, с радостью наблюдали, как они вытягивают длинные шеи, трепыхаются и грузно подпрыгивают, чтобы ухватить его, как собаки при виде лакомого куска.

Однажды я пришел к бассейну с лебедями раньше обыкновенного. Детей садовника еще не было. Под мышкой у меня был мой трехмачтовый кораблик; я спустил его на воду, как всегда, и собирался побежать ему навстречу, чтобы поспеть к «прибытию в гавань».

Но погода в то утро стояла почти безветренная, и парусник мой двигался медленно по ленивой ряби пруда. Спешить было некуда, и я принялся бродить

вдоль бассейна. Выходя из дому, я не забыл о лебедях: к этим красивым птицам я всегда чувствовал нежность, и сейчас без раздражения вспоминаю, что по милости этих грациозных созданий я малышом еще был вовлечен в довольно серьезную опасность.

Итак, карманы мои были набиты в тот день хлебным мякишем, который я предусмотрительно украл из буфета, без всяких угрызений совести, для моих прекрасных птиц.

Подойдя к крутому берегу, я поманил лебедей, соблазняя их привычным кормом.

Целых шестеро, трепеща крыльями и надменно выгнув шею, медленно направились ко мне и уже почти достигли полутораметровой «кручи». Вытянув раскрытые клювы, они с горящими глазами наблюдали за малейшим моим движением и одну за другой подхватывали крошки хлеба, которые я бросал со своей высоты.

Я уже опустошил свои карманы, когда внезапно кусок дерна, на котором я стоял, заскользил и сорвался в воду. Случился «оползень»: явление довольно частое на «обрывистых» берегах, хотя бы и в полтора метра. Я шлепнулся в воду, как камень, и камнем пошел бы ко дну, если бы не лебеди, до крайности удивленные и взволнованные моим падением.

Плавать я не умел, но инстинкт самосохранения, свойственный всему живому, подсказал мне правильный образ действий в минуту опасности. Я беспорядочно махал руками, ища точки опоры, как все утопающие.

«Хоть бы дощечка, хоть бы соломинка!»

Когда я нырнул или, вернее, шлепнулся в пруд, в уши мои и в глаза набралась вода; я на мгновение ослеп и оглох. Я только смутно слышал плеск и крики шарахающихся в ужасе лебедей и только через

мгновение, под влиянием блестящего наития, ухватился за лапу самого жирного и сильного — вожака всей стаи. Страх удесятил его силы, и он повлек меня к другому берегу, хлопая крыльями, словно хотел вспорхнуть и улететь.

Не знаю, чем бы окончилось это приключение, если бы лебедь затянул свое путешествие. Вы легко догадаетесь, отчего я сомневаюсь в благополучном исходе: я захлебывался, задыхался, фыркал, терял последние остатки сил и сознания; еще немного — и я перестал бы бороться.

Но как раз в критическую минуту, когда сознание мое готово было померкнуть, я почувствовал под ногами дно; теперь я стоял в воде по самые плечи.

Нечего говорить, что положение это мне не улыбалось; я был рад и счастлив положить конец своей злополучной прогулке, отпустил лапу лебеда, тот немедленно взвился на воздух и улетел с пронзительным криком.

Я же побрел к отлогому берегу — вода доходила мне уже до щиколотки, — фыркая, вскарабкался на берег и облегченно вздохнул.

Я был до того потрясен пережитым, что даже не поинтересовался судьбой своей шхуны, она безмятежно продолжала свое плавание, а я сломя голову пустился домой и, пробравшись на кухню, где, по счастью, никого не было, высушил свою одежду.

Глава III

ПОДВОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Быть может, друзья мои, вы подумаете, что жестокий урок, полученный мною при падении в пруд, отбил у меня вкус к «морским играм». Ничего подобного! В этом отношении печальный случай прошел бесследно, зато он направил мои мысли совершенно в другую сторону: я понял, какими громадными преимуществами в жизни располагает хороший пловец, и под впечатлением пережитой в парке опасности решил во что бы то ни стало выучиться плавать.

Мать моя в этом смысле меня поощряла; отец, находившийся в то время на одной из дальних широт, прислал с корабля письмо, в котором всячески одобрял мое решение; он даже посоветовал мне самый разумный, по его мнению, метод обучения. Я с жаром принялся за дело. Отцовское письмо я принял как намек: чем раньше я выучусь плавать, чем больше буду закален, тем скорее приобщит он меня к увлекательной жизни моряков, сделает своим спутником и товарищем. Теперь, после школьных занятий, я убегал на море и в палящую жару часа по два плескался в воде, как молодой нырок.

Как это ни обидно было моему самолюбию, но первые практические уроки плавания я получил от младших своих товарищей. Вспоминаю, с каким гордым чувством я впервые поплыл лягушкой и саженками; еще более мне памятно очаровательное ощу-

щение, с каким я вытянулся впервые, погрузив затылок в воду, на спине.

Разрешите, друзья мои, дать вам хороший совет: учитесь плавать, говорю я вам, учитесь плавать! Это умение пригодится вам гораздо раньше, чем вы думаете. Быть может, завтра вы почувствуете жгучий стыд при виде тонущего товарища, которому бессильны помочь; а кто поручится, что вам самим не придется плыть, захлебываясь, к желанному берегу?

В наши дни, когда путешествия занимают все больше и больше места в жизненном обиходе, опасность гибели в волнах гораздо острее, чем в прошлые десятилетия: многим приходится теперь переплывать океан, пассажиры проплывают сотни и тысячи миль по течению многоводных рек; англичане и американцы путешествуют по делам и ради собственного удовольствия; вкус к морским путешествиям прививается, как в древние времена, всем народам Европы — и страшно подумать, что на целую сотню путешественников вряд ли найдется пять-шесть человек, умеющих плавать. Между тем маршруты теперешних пассажирских и торговых кораблей не считаются ни с бурями, ни с течениями, ни с временем года. Я не скажу, конечно, что пловец, потерпевший кораблекрушение посредине Тихого или Атлантического океана, застрахован от гибели и благополучно доберется саженками до берегов; но у него громадные шансы доплыть до какой-нибудь шлюпки, до черной точки, маячащей где-нибудь вдали, которая, к великой радости его, окажется бочонком, обломком мачты или широкой удобной доской. Все эти хрупкие предметы могут сослужить погибающему великую службу. Самое главное — продержаться до приближения судна, заметившего катастрофу или случайно проходящего мимо. Главное — выиграть время. Кто этого не умеет, тот камнем пойдет ко дну.

К тому же вы знаете, что большинство кораблей терпит аварию не в открытом море и не посреди океана; только в самых редких случаях ярость бури способна разбить в щепы корабль в открытых водах. Для этого море должно, как говорят моряки, окончательно «распоясаться». Обычно кораблекрушения происходят в виду порта и даже у самых берегов. Вы поймете, конечно, как существенно в таких случаях умение плавать. Нередки также и речные катастрофы. Неправильная погрузка — и судно, зачерпнув воды, пошло ко дну; десятки людей тонут в виду зеленых лужаек и ветряных мельниц.

Все это общеизвестно, повторяется из года в год. И надо лишь удивляться людской беспечности и тому, как редки сейчас не только хорошие, но и посредственные пловцы.

В школах, дети, вас обучают всякому вздору. Если бы хоть часть того времени, которое вы поневоле убиваете на зубрежку катехизиса и древних языков, ушло на приобретение здоровых мускульных навыков, в том числе и умения плавать! Наше правительство не озабочено тем, чтобы создать здоровых людей из детей бедняков; вас учат смирению и покорности. Сделайте себя сильными людьми! Блестящие молодые джентльмены в своих университетах и колледжах занимаются греблей и плаванием как спортом. Для вас это — необходимость. Никто вам не поможет, дети моряков и матросов. Закаляйте себя для достойной борьбы за существование!

Лично я благодаря своей страсти к морю неоднократно бывал на волосок от гибели. Волны как бы задались целью поглотить меня при первом случае; на любовь мою пучина отвечала грозным ревом и свирепыми предостережениями. Если бы волны были одушевлены, я упрекнул бы их в черной неблагодарности.

Прошло уже несколько недель после трагикомического купания в пруду, и я уже показал в плавании значительные успехи, когда более серьезная катастрофа едва не пресекла мою морскую карьеру.

Она разыгралась не в заплесневевшей луже и не в зеркальном пруду, где плавают белоснежные лебеди.

Бухта, в которой обычно купались жители нашего местечка, была выбрана не совсем удачно. Пляж, правда, был прекрасный, с желтым, канареечного цвета, песком и белыми ракушками, но под прозрачной поверхностью вод таилось мощное и опасное течение, бороться с которым было под стать только опытному пловцу.

Кое-кто утонул, вовлеченный в воронку; эти несчастные случаи почти заглохли в памяти, окутаны дымком легенды. Не так давно приезжих купальщиков чуть не вынесло этим течением в открытое море, но рыбаки заметили их со своих баркасов и спасли.

Старейшины поселка, седебородые рыбаки, чье веское слово делает у нас погоду, не любят распространяться об этих печальных случаях и лишьжимают плечами, если кто обмолвится о них. Меня всегда удивляла эта странная сдержанность, это намеренное замалчивание очевидности; иные старожилы доходят до того, что вовсе отрицают существование подводного течения, другие утверждают, что оно совершенно безобидно. Однако я заметил, что детям своим они запрещают купаться в подозрительных местах.

Лишь много позже, когда после сорока лет бурных скитаний и приключений я возвратился на родину, для меня разъяснилась истинная причина двусмысленной сдержанности моих сограждан. Нужно

вам сказать, что деревушка наша является дачным поселком, куда в летнее время стекаются купальщики из больших городов, и что благосостояние жителей до известной степени связано с наплывом приезжих. Легко себе представить, что дурная слава нашей бухты была бы убийственной для ее репутации как дачного места и что наш крошечный курорт заглох бы вовсе, взятый приезжими под сомнение. Прощай тогда летний заработок! Вот почему мудрые старейшины поселка предпочитали замалчивать подводное течение. Но как ни отпирались наши козлобородые старцы, я чуть не погиб по милости этой подводной струи.

«Чуть-чуть» не считается — скажете вы, так как видите меня здоровым и невредимым. Не знаю, по моему, это была настоящая гибель; я окончательно обмер, потерял сознание от страха и боли; можно было разрезать меня на кусочки, и я не заметил бы.

Я бы простился с милой жизнью в тот самый день, если бы на выручку мне не явился один цветущий и веселый парень, лодочник из нашего поселка по имени Гарри Блю — мой избавитель и будущий друг.

Сам по себе этот случай не представляет ничего замечательного, и я вам рассказываю о нем потому только, что тогда завязалось мое знакомство с Гарри, который на целые годы стал для меня живым примером, недостижимым образцом и предопределил всю мою дальнейшую судьбу.

Итак, я купался на взморье и, по оплошности или увлекаемый жаждой исследовать отдаленный уголок бухты, направился к одному из самых опасных мест пресловутого течения; оно меня сразу же подхватило и, закрутив, понесло к открытому морю. Я был уже на таком расстоянии от берега, что нечего

было мечтать достигнуть его вплавь; к тому же страх сковал меня. Так или иначе, я сдался стихии без бою и камнем пошел ко дну.

Я смутно вспоминаю, что в ту минуту, когда я перестал барахтаться, мелькнула какая-то лодка и в ней — человек. Потом все исчезло в тумане; глухой рокот, похожий на раскаты грома, хлынул мне в уши, и сознание померкло, как пламя задутой свечи.

Я не помню ничего промежуточного, пока не очнулся. Когда я раскрыл глаза, надо мною склонялось улыбающееся молодое лицо; кто-то растирал меня, делая мне искусственное дыхание, возвращая к жизни разнообразными приемами, щекотал перышком мои ноздри.

К жизни меня вернул Гарри Блю.

Как только я зашевелился, он сгреб меня на руки и отнес к матери, которая чуть не обезумела от радости. Мне дали глотнуть водки, закутали в шерстяные одеяла, подложили к пяткам нагретые кирпичи, окружили горячими бутылками, давали нюхать уксус и соли, — короче, ни одна спасательная станция не одарила бы меня большей заботой.

Через двадцать четыре часа я был уже на ногах — резвый, веселый, беспечный, как ни в чем не бывало.

Еще один урок пропал даром!

Много их было, но о том, как пропали первые уроки, я всегда вспоминаю с улыбкой: я был неизлечим. Зовы морской стихии раздавались все более и более внятно, будущее рисовалось мне в пленительном свете, и голос опасности, ревуший в морских волнах, звучал для меня музыкой надежды.

Глава IV

ДВЕ ШЛЮПКИ ГАРРИ БЛЮ

Опасность, которой я так счастливо избежал, не только не ослабила моего влечения к морю, но послужила новым и сильным толчком моей исконной страсти.

Я был благодарен молодому лодочнику, который меня спас. Вскоре благодарность эта перешла в настоящую дружбу. Гарри был славным веселым моряком и хорошим товарищем. Я, мальчишка, видел в нем недостижимый образец. Ко мне он благоволил. Единственный из старших, он не глумился над моей влюбленностью в морскую стихию, несколько странную для такого карапуза, как я. Забавно вспомнить, но Гарри вел себя так, словно не он меня вытащил из воды, а я — его. Он вызвался научить меня плавать и в поте лица своего действительно привил мне самые лучшие и экономные приемы хорошего пловца. Он же научил меня грести, и через две-три недели я греб уже очень недурно для своего возраста — гораздо лучше, чем все мои сверстники. К великой радости моей, я управлялся уже не одним веслом, как дети, а двумя и маневрировал без посторонней помощи. Как я гордился этими достижениями! Но всего более польстило моему самолюбию первое самостоятельное поручение, которое дал мне Гарри: взять его шлюпку в заводи, где она стояла на якоре, и причалить с ней к пристани, где он меня ожидал. Нередко, проплывая в виду берега или под бортом ка-

кой-нибудь шхуны, стоявшей на рейде, я слышал пущенные мне вдогонку язвительные восклицания, относившиеся к моей невзрачной особе и дерзкой самоуверенности:

— Поглядите на этого малыша! Ай да молокосос: ему бы держаться за подол матери, а не грести на шлюпке!

Я краснел до ушей и еще добросовестней налегал на весла, провожаемый взрывами дружного хохота. Но оскорбления не принижали моего духа: я не только не унывал, но загорался честолюбивым огнем, стремясь доказать всем и каждому, что, несмотря на мой до смешного маленький рост, ловко управляюсь с лодкой.

Прошло немного времени, и никому уже, кроме случайных приезжих, не приходило в голову смеяться над самонадеянным мальчуганом.

Все убедились в моем умении, и я приобрел завидную для мальчишки репутацию. Меня ласково трепали по плечу, называли «морячком», «матросиком», а под конец дали мне кличку: «морской волчонок», которая так и осталась за мной.

Родные готовили меня к морскому поприщу: предполагали, что я буду сопровождать отца в ближайшем плавании. Я щеголял в матросском костюмчике: в куртке из синего сукна и широких, с трубами, панталонах; как настоящий моряк, я повязывал шею черным шелковым галстуком и носил отложной воротник.

Очевидно, моя мальчишески важная осанка нравилась людям, а я любил, когда меня называли «морским волчонком»: как-никак это было лестно. Ведь автором этого приятного прозвища был, кажется, Гарри Блю.

К тому времени дела Гарри Блю пошли в гору: он обзавелся двумя добротными шлюпками. Шлюпку

побольше он называл «адмиральской» и пользовался ею для трех или четырех пассажиров; другая была значительно меньше и годилась только для одного.

В разгар купального сезона, когда ежедневно устраивались морские прогулки, «адмиральская» шлюпка бралась нарасхват, а мелкий «тузик» стоял без дела на якоре или валялся на берегу. Тогда я получал его в полное личное распоряжение, уплывал на нем один куда мне заблагорассудится или же катал товарищей. Легко себе представить, как широко я пользовался таким почетным разрешением.

Вырвавшись из школы, я тотчас бросался к моей «собственной» лодчонке и носился по бухте во всех направлениях. Лишь в самых редких случаях я выезжал один: почти всегда за мной увязывались товарищи, вполне разделявшие мои морские вкусы и взиравшие на меня с затаенным почтением и завистью как на полновластного хозяина великолепного судна.

Мы были, однако, настолько благоразумны, что выходили в море только при ясной погоде. Это был настоящий совет Гарри, почти приказание. Я сказал: «выходили в море», это, в сущности, неверно, ибо мы держались в пределах бухты, и притом поближе к берегам, чтобы случайным порывом ветра нас не вынесло в открытое море.

Привычка — великое дело. Куда девалась первоначальная робость! Я осмелел, а если хотите — обнаглел. С каждым днем я все больше удалялся от берега, иной раз, сам того не замечая, на целую милю. Эти штуки не ускользнули от зоркого Гарри; он крепко меня выбранил и приказал быть осторожнее. Я выслушал его с виноватым видом и с твердым намерением вернуться на путь благоразумия; но на горе мое, когда, пристыженный и образумленный, я уже отошел на тридцать шагов, до слуха моего донеслись лег-

комысленные слова Гарри, обращенные к какому-то случайно подвернувшемуся рыбаку:

— Как вам нравится Боб? Славный мальчишка, не правда ли? Наследственный... хе-хе-хе... и потомственный моряк. По-моему, малый пойдет далеко...

Это неосторожное замечание подлило масла в огонь; все увещания моего учителя были мигом забыты, и от искреннего, а кто знает, быть может, и от лицемерного решения держаться в виду берегов не осталось и следа. Случай не замедлил представиться. Обещание было нарушено. Благоразумие полетело к черту, и снова, друзья мои, — не смейтесь над моими «чуть» и «едва», — я чуть не поплатился жизнью.

Но здесь я должен упомянуть о несчастье, которое выбило меня из привычной счастливой колеи.

Отец мой, как вы уже знаете, был капитаном торгового судна и совершал рейсы на Кубу, Филиппины и другие американские острова; он так редко приезжал домой, побывки его были настолько кратки, что отцовский образ почти не удержался в моей памяти, только смутно запомнились черты лица, обветренного бурями всех широт, чуть хриплый грубоватый голос и добродушная улыбка.

Мать моя, тосковавшая в разлуке, только и жила этими краткими отцовскими побывками: они составляли для нее всю радость и содержание жизни. Узнав о гибели отца, она стала чахнуть и вскоре умерла.

Я остался круглым сиротой, без денег, без крова. Отец мой жил на скромное жалованье торговой мореходной компании, едва вырабатывал необходимое на семью и, как многие труженики моря, ничего семье не оставил. Жалко мне, что мать умерла так рано; она и не подозревала, что на смену отцу подрастал настоящий моряк и работник. Я бы ее прокормил; нищеты бы ей не пришлось отведать.

Во всяком случае, потеря родителей в корне изменила все мое существование. Кров, правда, нашелся, но до чего он был не похож на то, к чему я привык! Пришлось поселиться у дяди. Он был родным братом матери, но по всему своему складу и характеру являлся для нас чужим человеком: мрачный, жестокий, грубый, он видел в мальчике только помощника по хозяйству. Я подружился с его батраками, деля с ними труд и нерадостный хлеб.

Хотя по возрасту мне полагалось дальше учиться, со школой дядюшка быстро покончил: на такие нежности теперь нельзя было рассчитывать. Дядя был фермером-скотоводом, и он быстро меня приспособил к своему хозяйству. Я научился уходу за овцами и лошадьми, пас коров и свиней, на меня возложили тысячу других столь же чуждых моему характеру обязанностей. Я был занят с раннего утра до захода солнца.

По счастью, в воскресенье не работали. Дядюшка мой отнюдь не был склонен чтить воскресенье потому, что так приказывает пастор с кафедры; если бы это от него зависело, он уморил бы нас всех в воскресенье двойной работой, но воскресный отдых твердо соблюдался в нашем округе. Таков был обычай. Если бы дядюшка осмелился его нарушить, его заклевали бы соседи, и в первую очередь старики. Воскресенье на ферме праздновалось поневоле, и передышка у меня была.

Итак, дядюшка мой, несмотря на свою библейскую скотоводческую профессию, не был религиозен. Двойная для меня удача: меня не посылали в церковь; воскресенье было совершенно свободным днем. Разумеется, я знал, что с собою делать. Уж поверьте, я не собирал ромашек на лугу. Морская зыбь пленяла меня несравненно больше, чем разорение птичь-

их гнезд и глупая беготня среди палисадников, канав и заборов. Стоило мне вырваться на свободу, как я опрометью летел к Гарри Блю. Он забирал меня на свою «адмиральскую» шлюпку или, по старой памяти, отпускал меня одного на своем «тузике», с легкими веслами которого я давно и хорошо освоился.

Как смеялся я над своими товарищами, проводившими воскресный день за скучной Библией, в обществе лицемерных старух и выживших из ума стариков! Мое воскресенье было настоящим праздником. Оно было насыщено дерзкой радостью и простором и только этим отличалось от прочих дней недели.

Но одно из этих воскресений стало для меня днем величайшего испытания. Оглядываясь на свое прошлое, я не помню другого столь трудного дня. Еще раз меня коснулось то «чуть-чуть» и «почти», о котором я говорил вам, друзья мои, — коснулось и прошелестело мимо.